

Папе и Бэт

с любовью и благодарностью

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалой
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

А.С. Пушкин

ПРОЛОГ

Темной ночью девушка мчалась на гнедом коне по лесу. У этого леса не было названия. Он простирался вдалеке от Москвы — вдалеке от всего мира, и единственным звуком было молчание снега и треск застывших деревьев.

Была почти полночь — зловеющий волшебный час. Путникам угрожали снег, буря и бездонное, безликое небо. Но девушка упорно ехала на своем жеребце сквозь лес.

Лед покрывал шерсть на морде коня, снег облепил бока. Но глаза под заснеженной челкой были добрыми, и конь радостно поводил ушами.

Их следы тянулись в глубь леса, и свежий снег прятал их.

Внезапно конь остановился и поднял голову. Среди деревьев, звенящих на морозе, показался ельник. Пушистые ветки переплетались, стволы елей согнулись, как спины стариков.

Снегопад усилился. Снежинки попадали в глаза девушки и залетали в серый мех ее капюшона. Абсолютную тишину нарушал лишь свист ветра.

— Я ничего не вижу, — сказала девушка коню.

Жеребец повел ухом и отряхнулся от снега.

— Может, его нет дома, — неуверенно добавила девушка. Ее шепот будто заполнял тьму под елями.

Но стоило ей произнести это, как в ельнике с громким треском распахнулась потайная дверь.

❁ Кэтрин Арден ❁

Вспышка света окрасила сияющий снег кроваво-красным, и среди елей появился дом. Над деревянными стенами нависали длинные изогнутые карнизы, и в отблесках пламени дом словно дышал, притаившись в чаще.

В дверях показалась мужская фигура. Конь насторожил уши, девушка замерла.

— Заходи, Вася, — сказал мужчина. — Холодно.

.....

Часть I

.....

СМЕРТЬ СНЕГУРОЧКИ

Миновала середина зимы, и в Москве дым десяти тысяч очагов поднимался в темное небо. На западе было светло, но на востоке, на закатном небе собирались темные облака, полные снега.

Две реки разрезали русский лес, и Москва лежала на их пересечении, на вершине соснового холма. Ее приземистые белые стены скрывали за собой избы и церкви. Заледеневшие башни теремов отчаянно тянулись в небо. День угасал, и в высоких окнах башен загорались огни.

Женщина в великолепном наряде стояла у такого окна, наблюдая, как отблески огня смешивались с беспокойными сумерками. Две женщины за ней сидели у печи и вышивали.

— Ольга за час уже третий раз к окну подошла, — прошептала одна из них. Ее руки в кольцах сияли в тусклом свете, а ослепительный кокошник отвлекал от нарывов на носу.

Служанки толпились неподалеку и согласно кивали. Они стояли у холодных стен, головы укрывали платки.

— Ну конечно, Даринка! — воскликнула вторая женщина. — Она ждет своего брата, этого безрассудного монаха. Сколько времени прошло с тех пор, как брат Александр уехал в Сарай? Мой муж ждет его с первого снега. А теперь бедная Ольга изнывает у окна. Что ж, удачи ей. Брат Александр наверняка уже умер в снегах.

Этой женщиной была Евдокия Дмитриевна, великая княгиня Московская. Ее платье было усыпано драгоценными камнями. Розовые, словно бутон, губы скрывали обломки трех почерневших зубов.

— Ты убьешь себя, стоя на этом ветру, Оля, — взвизгнула она. — Если бы брат Александр хотел вернуться, он бы уже был здесь.

— Как скажете, — холодно ответила Ольга, не отходя от окна. — Я рада, что вы учите меня терпению. Возможно, моя дочь научится у вас, как подобает вести себя княгине.

Евдокия поджала губы. У нее не было детей. У Ольги было двое, и она ждала третьего к Пасхе.

— Что это? — внезапно спросила Даринка. — Какой-то шум. Вы слышали?

За окном поднималась буря.

— Это ветер, — ответила Евдокия. — Всего лишь ветер. Какая же ты глупышка, Даринка. — Но она поежилась. — Ольга, прикажи подать еще вина. В этой комнате жуткий сквозняк.

По правде говоря, в светлице было тепло: воздух грела печь и скопление тел. В ней было лишь одно окно — узкое, как щель.

— Хорошо, — сказала Ольга, кивнув служанке. Девушка вышла на лестницу и скрылась в ледяной темноте.

— Ненавижу такие ночи, — вздохнула Даринка. Она закуталась в плащ и почесала струп на носу. Ее взгляд метался между свечами и тенями. — В такие ночи приходит она.

— Она? — кисло переспросила Евдокия. — Кто «она»?

— Что? — удивилась Даринка. — Вы не знаете? — Девушка горделиво приосанилась и ответила: — Привидение.

❁ Девушка в башне ❁

Дети Ольги, ругавшиеся у печи, умолкли. Евдокия фыркнула. Ольга, все еще стоявшая у окна, нахмурилась.

— Призраков не существует, — возразила Евдокия. Она потянулась за сливой в меду, с удовольствием съела ее и облизала сладкие пальцы. Её тон словно говорил, что этот терем не заслуживает привидения.

— Я видела ее! — обиженно воскликнула Даринка. — Видела, когда ночевала здесь в последний раз.

Знатные женщины рождались и умирали в башнях, но не были одиноки. Время от времени они ночевали друг у друга, пока их мужья были в отъезде. Терем Ольги — чистый, опрятный, богатый — стал излюбленным местом. К тому же Ольга восемь месяцев ждала ребенка и никуда не выходила.

Ольга нахмурилась, но Даринка, любящая внимание, поспешно продолжила:

— Это случилось сразу после полуночи. Несколько дней назад. Незадолго до того, как миновала середина зимы. — Она резко выпрямилась, едва не уронив кокошник. — Я проснулась...уже и не вспомню почему. Шум...

Ольга чуть слышно фыркнула. Даринка бросила на нее сердитый взгляд.

— Не могу вспомнить, — повторила она. — Я проснулась, везде было тихо. Сквозь ставни пробивался лунный свет. Мне показалось, что в углу раздался какой-то шум. Может, крыса. — Голос Даринки дрогнул. — Я лежала, укутавшись в одеяла. Но мне не спалось. Затем я услышала вой. Я открыла глаза и потрясла Настьку, которая спала рядом. «Настька, — прошептала я. — Настька, зажги лампу. Кто-то плачет». Но Настька не шевелилась.

Даринка замолчала. В комнате стало тихо.